

ВАЗА

На уроке литературы я вел отчаянную войну с Андрюхой Тимохиным, который снайперским выстрелом из металлической трубки залепил мне в глаз комком жеваной мокрой промокашки.

Я оторвал краешек промокашки, тщательно его разжевал и поднес к губам металлическую трубку. Но Андрюха, сидевший впереди меня на третьей парте, нагнулся и умело спрятался за спины ребят. Сколько я ни крутился, выбирая позицию удобную для стрельбы, но противник ловко прятался, иногда слегка высовываясь и строя рожи. Я принял решение стрелять навесом, но тут литераторша сделала мне первое замечание. Не успела она отвернуться, как я получил ещё одно попадание точно в шею. Я поспешно выстрелил и промахнулся.

Нинель писала на доске тему сочинения, неожиданно обернулась, сердито посмотрела на меня и постучала мелом по доске.

Я сделал вид, что меня вообще нет в классе.

Когда литераторша повернула голову, я получил третий заряд из Тимохиной трубки прямо в ухо!

Нечеловеческим усилием воли я взял себя в руки. Андрюха просто заходилась от счастья – три точных выстрела подряд с такого расстояния могли сделать честь любому хулигану. Его сияющая физиономия все чаще стала появляться из-за спин ребят, и в один момент он все-таки подставился. Я хладнокровно и сильно вlepил заряд прямо Андрюхе в лоб. Но пулька отрикошетила от его головы, и не просто отлетела в сторону, а прилипла к стеклу очков обернувшейся учительницы.

Сколько было крику! Нинель, распаясь, стала выдумывать разные ситуации, что, например, не будь на ней очков, она свободно могла бы остаться без глаза или кто-то другой мог оказаться без глаза, и так далее. Продемонстрировав своё хорошо развитое воображение, она заявила:

– А теперь, оба вон из класса! И завтра чтобы родители были в школе.

Почему-то каждому учителю хотелось непременно побеседовать с моими родителями. Чтобы удовлетворить их желание, отцу пришлось бы ходить в школу почти каждый день. А это, понятно, было совершенно невозможно. И я, как мог, оберегал отца от излишних волнений. Когда же приглашение в школу каким-то таинственным бесконтрольным для меня путём все же достигало отца и он являлся на беседу, то туши свет!

Отец молча выслушивал накопившиеся обиды учителей и поражался обилию неизвестных ему правонарушений. Он насквозь пронзал меня гневным взглядом, показывая учителям, что их слова не останутся безответными, и они содрогнутся, узнав, что он со мной сделает за все мои художества!

Два урока литературы были последними. Я не стал перечить учительнице и молча собрал портфель.

– Оставьте портфели на месте! – приказала Нинель. – Мы после уроков пойдем к директору.

Я никогда не грубил учителям и не спорил, когда меня выгоняли за дело. «К директору так к директору», – без всякой обиды подумал я.

Мы с Андрюхой покорно вышли из класса.

– Завтра у отца получка и мы должны были идти в магазин покупать мне велосипед, – печально сообщил в коридоре Андрюха, – а теперь фигу с маслом получу вместо велосипеда! И все ты, – вдруг обрушился он на меня, – стрелять толком не умеешь!

– Это у тебя лоб такой дурацкий, что даже промокашка не прилипает, – парировал я.

– И ты теперь не покатаешься на моем велосипеде, – злорадно продолжил Андрюха.

До меня вдруг дошло, что он, конечно, дал бы мне покататься на велосипеде.

– Ладно, – успокоил я Андрюху, – что-нибудь придумаем.

Мы вышли на улицу и чуть не попали под черный, грязный МАЗ, промчавшийся мимо школы. Андрюха что-то крикнул ему вслед, обзывая водителя нехорошими словами, и кинул вдогонку камень. И тут меня осенило.

– Давай хохму одну сделаем, я её уже давно придумал, но все случая не было испробовать.

– Знаю я твои хохмы, – отмахнулся Андрюха, – ещё хуже будет.

Я рассказал Андрюхе свой план, и он долго смеялся.

– Ты ни при чем, и только поможешь мне дойти до класса, – наставлял я Андрюху. – И не вздумай засмеяться, когда войдем, сразу все испортишь, понял?

– Пойдем ко мне, дома никого, – предложил Андрюха. Он жил рядом со школой.

В комнате у Андрюхи перестрелка разгорелась с новой силой. Я уже взял реванш по числу попаданий. Вдруг большая керамическая ваза, стоявшая на хлипком трехногом столике, под которым прятался Андрюха, качнулась, замерла на секунду на ребре, и плавно, как в замедленном кино, рухнула на пол, развалившись на несколько крупных кусков.

Андрюха вылез из под стола бледный как полотно.

– Всё, теперь велосипеда мне не видать. Так и знал, что какая-нибудь гадость обязательно случится. И всё эта трубочка, – разозлился он.

Мне стало жалко Андрюху и захотелось как-то его утешить.

«Никогда не бывает в жизни все настолько плохо, чтобы не могло быть еще хуже!» – процитировал я правило Мерфи. – Не расстраивайся, безвыходных положений не бывает.

Андрей с надеждой посмотрел на меня и объявил:

– Если поможешь выкрутиться – целый день... нет, целую неделю будешь на велике кататься, сколько захочешь!

Я и так был рад помочь товарищу без всякой награды, хотя, конечно, покататься на велосипеде совсем не повредит.

– Что-нибудь придумаем, – успокоил я Андрюху, – когда родители с работы приходят?

– В пять.

– Успеем, а сейчас давай бинты.

Захватив все необходимое, мы вернулись в школу. Стрелки настенных часов показывали, что до конца второго урока литературы осталось двадцать минут. Поднялись по лестнице на площадку чердака.

Андрюха забинтовал мою голову. Повязка налезала на глаза, и смотреть вперед можно было, только откинувшись назад. Короткую дощечку от ящика прибинтовали к руке и подвесили её на перевязи через шею. К ноге мы прибинтовали кусок доски и привязали большую резиновую галошу.

– Не очень усердствуй, – одернул я Андрюху, который при помощи красных чернил изображал пятна крови на забинтованной голове и руке.

– Пошли? – Андрюха подал мне палку вместо костыля.

По слухам нам было известно, что в последнем распоряжении РОНО категорически запрещалось выгонять учеников из класса в коридор. В какой-то школе сразу с несколькими ребятами, выгнанными из класса, что-то такое нехорошее случилось, когда они болтались на стройке. Поэтому Нинель, увидев меня в таком виде, вряд ли захочет тащить нас к директору, да еще вызывать родителей.

За пять минут до окончания урока, заботливо поддерживаемый Андрюхой и нарочито громыхая привязанной к ноге доской, я вошел в класс.

От моего живописного вида Нинель стало плохо. Андрюха давился от смеха, так что пришлось его сильно ущипнуть.

Класс замер. До чего же все-таки наивные у нас ребята, сколько их не разыгрывай, всё принимают за чистую монету.

– Что с тобой? – испуганно спросила побледневшая Нинель.

– Высел ис сколы на соссе... – ответил я, шепелявя так, будто у меня выбиты зубы.

– А тут МАЗ как выскочит, как даст ему по голове железным крюком, – докончил за меня Андрюха.

– Кто разрешил вам выходить из школы? – рассердилась Нинель, явно собираясь свалить вину на меня.

– А нам никто не запрещал, – смиренно ответил Андрюха.

Тут раздался звонок, и ребята заторопились сдавать работы.

– Ладно, идите домой, – Нинель подозрительно взглянула на мои бинты, – Тимохин, проводи его.

На чердачной лестнице Андрюха снял с меня бинты.

– Что теперь с вазой делать будем? – с надеждой спросил Андрюха, когда вышли из школы.

– Рыболовная леска есть?

– Найдем! Что уже придумал?

Мне нравилось бывать у Андрюхи в гостях. У него была своя отдельная комната, где стояла старинная органола. Андрюха посещал музыкальную школу и играл на виолончели, из которой научился извлекать такие душераздирающие звуки, что соседка по квартире просто рыдала, не зная, куда ей деваться из этого сумасшедшего дома.

Родители Андрюхи – молодые инженеры – считали, что их единственный сын должен иметь хорошее образование и знать, по крайней мере, два иностранных языка.

Я сочувствовал Андрюхе, потому что учить иностранный язык – это совсем не то, что играть на виолончели. В школе и немецкий надоел до смерти, а тут английский.

Однажды я случайно был свидетелем того, как тяжело даётся второй иностранный язык.

«И запомни на всю жизнь! – кричал отец и лупил Андрюху по голове учебником английского языка. – Это тебе не «аре», а неопределенная форма множественного числа глагола ту би... ту би... ту би!»

Даже я запомнил на всю жизнь – ту би!

Мать Андрюхи считала, что главное для сына – это математика. Однако обремененная заботами по дому, она лишь изредка проверяла у сына домашние задания и ругала его за лень.

«Ты взяла и позанималась бы с ним, – обиделся однажды отец за сына, – я же занимаюсь с ним английским языком», – гордо добавил он.

Андрюха в этот момент корпел над очень трудной арифметической задачей. Мать при помощи алгебраических формул быстро решила задачу.

«Нам так нельзя, – заныл Андрюха, – мы такого еще не проходили».

Мать посмотрела в учебнике, как решаются аналогичные задачки, и попыталась с ходу объяснить Андрюхе, что и как надо делать. Но задачка про ткани разной стоимости оказалась такой же хитрой, как в рассказе Чехова «Репетитор».

Через полчаса мать стала злиться и на себя и на Андрюху, который покорно сидел и тихонько рисовал чертиков на краешке стола.

«Смотри в тетрадку, – мать наградила сына подзатыльником, – и думай!»

Андрюха вздохнул и уставился в тетрадку без всякого энтузиазма.

«Какая-то идиотская задачка!» – воскликнула мать.

Андрюха, не сдержавшись, хихикнул.

И тут мать сообразила, что и как нужно делать.

«Бестолочь! – закричала она. – В учебник смотри внимательно. Вот здесь написано...», – мать яростно ткнула указательным пальцем в учебник. Раздался хруст, и она завизжала как ужаленная. Палец был сломан. Три недели Андрюхина мать носила гипс.

Войдя в квартиру, мы первым делом развели водой силикатный конторский клей и, обмазав им края черепков, аккуратно сложили вазу.

У меня в этом деле уже был опыт, так как недавно совершенно нечаянно я разбил заварной соседский чайник и склеил его при помощи конторского клея. Получилось так аккуратно и крепко, что чайник почти выдержал заварку кипятком, но тут же очень естественно развалился на части. «От старости лопнул!» – прокомментировал я соседке это печальное событие, случайно оказавшись рядом.

Куски вазы так хорошо подошли друг к другу, что не видно было даже трещин и только с одной стороны не хватило маленького осколка, который так и не удалось отыскать.

– Какая жалость, – расстроился Андрюха, – если бы не этот кусочек, можно было бы и так оставить. А купят велосипед – можно и пострадать.

– Когда придет отец, – объяснил я Андрюхе, – ты должен стоять на голове около стенки! И лицо сделай поглупее, глаза вытаращи, сведи их к переносице и хихикай!

Расчет был на то, что у Андрюхиного отца была дурная привычка топтать ногой, когда он сердился, а это просто бесило его мать, которая сразу выходила из себя и готова была разорвать его на части.

Хлопнула входная дверь – это с работы пришел Андрюхин отец. Я спрятался в маленькой комнате и, проверяя готовность, слегка натянул леску, прикрепленную к верхней части вазы. Андрюха встал на голову, сделал идиотское лицо и стал так хихикать, что я испугался за его рассудок.

– Андрюша, – позвал отец из коридора, услышав, что в комнате кто-то есть.

Он открыл дверь и, увидев сына, так топнул ногой, что в серванте подпрыгнула вся хрустальная посуда, а я от неожиданности вздрогнул. Когда я дернул за леску, то мне показалось, что ваза уже падала сама. Осколков получилось – не сосчитать.

– Ты что? – очень натурально испугался Андрюха. – Мама ругаться будет, что мы ей скажем?

Отец сразу понял, что ему не сдобровать, впереди светил грандиозный скандал.

– Андрей! – строгим голосом произнес отец. – Скажешь маме правду: ваза упала сама, и учти... я в это время был еще на работе!

«Как быстро соображает, – подумал я про Андрюхиного отца. – Вот что значит высшее образование!»

– Да...а...а...а! Обманывать взрослых нехорошо, – заныл Андрей.

– Завтра жди меня у проходной, и сразу пойдем в магазин за велосипедом. Забыл купить папиросы, – спохватился отец и смылся из дома.

– Теперь он только вечером появится, а мне расплачивайся, – обиженно заныл Андрюха, – а что мы скажем матери?

– Почему «мы»? Я что тебе – родной брат? Договаривались сделать так, чтобы отец купил велосипед, что тебе еще надо?

– Да..., – заныл Андрюха, – тебе хорошо, ты будешь целую неделю кататься на велике, а мне знаешь, как попадет.

– Обманывать взрослых нехорошо... – передразнил я Андрюху.

– Ну, будь человеком! – заныл Андрей.

– Ладно, скажешь, что сегодня в школе всем делали прививки от бешенства. А у тебя, когда пришел домой, вдруг закружилась голова, упал, очнулся, а ваза разбита. И плачь так горько и безутешно, как будто никогда не увидишь велосипеда. Ну, я ушел.

Андрюха так втянулся в игру с головокружением, что это стало его хроническим заболеванием. Он стал падать на уроках всякий раз, когда не приготовил домашнее задание или не хотел идти к доске. Его даже возили в институт на обследование, но ничего такого не обнаружили.

В понедельник на уроке литературы Нинель подозрительно меня осмотрела и спросила:

– Ты что уже поправился?

– Да, на мне всё быстро, как на собаке, заживает и даже шрамов не остается.

Целую неделю я катался на Андрюхином велосипеде.